

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.19.51.024

Эстетические суждения китайских и российских подростков: межкультурный анализ

Чжао Ваньчэнь

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: st072597@student.spbu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются эстетические суждения китайских и российских подростков как результат пересечения культурной традиции, школьно-семейной социализации и платформенной визуальной культуры. Работа не включает собственное эмпирическое исследование и направлена на теоретическое обобщение существующих научных подходов и визуально-культурных практик. Цель статьи состоит в выявлении общих механизмов и различающихся акцентов, влияющих на представления подростков о красоте, внешности, искусстве, цвете, моде, медиаконтенте и культурных символах. Методологическую основу составляют культурно-исторический подход, теория эстетического воспитания, исследования подростковой идентичности, визуальной культуры и медиавлияния. Показано, что сходства связаны с возрастной потребностью в признании, цифровой самопрезентацией, алгоритмическим отбором контента и глобальным оборотом молодежных стилей. Различия проявляются не как противоположность «национальных вкусов», а как разные языки эстетического объяснения: в китайском материале заметнее гармония, аккуратность, атмосферность и культурная цельность; в российском — естественность, индивидуальный стиль, эмоциональная достоверность и историко-городская фактура. Сравнение охватывает представления о красоте, отношении к внешности, восприятие искусства, цвет и визуальность, традиционную культуру, роль социальных сетей, семьи и школы. Особое внимание уделяется тому, что подростковое эстетическое суждение формируется в поле группового признания, платформенных рейтингов и культурных кодов, а не сводится к индивидуальному вкусу. Для эстетического воспитания обосновывается отказ от модели готового правильного вкуса в пользу развития эстетической рефлексии и медиаграмотности, позволяющих подростку объяснять, почему один образ кажется выразительным, другой — искусственным, третий — культурно значимым.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжао Ваньчэнь. Эстетические суждения китайских и российских подростков: межкультурный анализ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 4А. С. 219–229. DOI: 10.34670/AR.2026.19.51.024

Ключевые слова

Эстетическое суждение, подростки, Китай, Россия, межкультурный анализ, визуальная культура, эстетическое воспитание, культурная идентичность, цифровая социализация.

Введение

Эстетическое суждение подростка редко сводится к простой реакции «нравится - не нравится». В оценке одежды, фотографии, музыкального клипа, аниме-персонажа, школьного образа или музейного экспоната соединяются личное впечатление, ожидание сверстников, семейные нормы, школьная культура и цифровые механизмы видимости. Подросток не только выбирает красивое; через красивое он проверяет собственную принадлежность, границы самостоятельности и право быть замеченным.

В статье подростковый возраст понимается в широком психолого-педагогическом смысле: примерно от 12 до 18 лет. Такая рамка позволяет рассматривать общую ситуацию, в которой внешность, стиль, группа сверстников и цифровая самопрезентация становятся значимыми факторами самоопределения. Для Китая и России этот вопрос особенно продуктивен: обе культуры имеют развитые художественные традиции и сильные образовательные институты, но подростки обеих стран включены в глобальные медиапоток и платформенные форматы.

Степень разработанности проблемы можно описать через несколько линий. Эстетическое воспитание и философия искусства представлены в работах М. М. Бахтина и Б. Т. Лихачева [Бахтин,1979; Лихачев,1985]. Психология подросткового возраста опирается на идеи Л. С. Выготского, И. С. Кона и Э. Эриксона о культурном развитии, самоопределении и идентичности [Выготский,1991; Кон,1989; Erikson,1968]. Социальная природа вкуса раскрывается у П. Бурдьё, а групповая маркировка стиля - в теории социальной идентичности [Bourdieu,1984; Tajfel,Turner,1986]. Исследования визуальной культуры и медиасреды показывают, что изображение является не нейтральным украшением, а способом организации смысла, власти и принадлежности [boyd,2014; Jenkins,2006; Kress,vanLeeuwen,2006; Mirzoeff,1999]. Отдельный блок составляют работы о социальных сетях, образе тела и подростковой уязвимости в цифровой среде [Livingstone,Helsper,2007; Perloff,2014; Tiggemann,Slater,2013].

Китайский материал включает исследования ханьфу, гочао, селфи-практик, цифровой женской визуальности Xiaohongshu/Red и школьного художественного образования [LiZehou,2009; ZongBaihua,1981; ZhuGuangqian,2012; Министерство образования КНР,2022; Law,Qin,2023; Jia,2023; Wangetal.,2019; Gu,Xu,Zhou,2025; Liu,Li,2024]. Российский материал представлен работами о социализации, цифровом поколении, социальных сетях, самопрезентации во «ВКонтакте» и медиаобразовании [Мудрик,2011; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Солодников, Зайцева, 2021; Щекотуров, 2017; Федоров, 2007]. При этом комплексное сопоставление китайских и российских подростков именно с точки зрения эстетических суждений остается недостаточно разработанным.

Цель статьи - выявить общие механизмы и различающиеся культурные акценты в эстетических суждениях китайских и российских подростков. Задачи исследования: уточнить понятие эстетического суждения применительно к подростковому возрасту; описать роль семьи, школы, сверстников, городской среды и социальных сетей; сопоставить представления о красоте, внешности, художественном образе, цвете и традиционных символах; определить значение выводов для эстетического воспитания. Объект исследования - эстетические суждения подростков. Предмет - культурные, образовательные и медиасоциальные факторы их формирования.

Методы исследования включают теоретический анализ, сравнительно-культурологическую интерпретацию и качественное сопоставление визуально-культурных факторов. В качестве исследовательского предположения принимается следующее: чем плотнее подросток включен

в цифровые визуальные практики, тем сильнее его эстетические суждения зависят от платформенных форматов; однако культурная традиция и школьно-семейные нормы продолжают задавать язык объяснения этих оценок.

Материалы и методы исследования

Эстетическое суждение понимается здесь как оценочное отношение к визуальному, художественному, телесному или символическому объекту, в котором соединяются восприятие формы, эмоциональная реакция, культурная интерпретация и предполагаемая социальная оценка. В подростковом возрасте такое суждение особенно чувствительно к признанию: образ должен не только нравиться, но и быть понятным для группы.

Культурно-исторический подход позволяет рассматривать вкус как результат освоения знаков и образцов, а не как врожденную склонность [Выготский,1991]. Кон и Эриксон связывают подростковый возраст с усиленной рефлексией образа «я» и поиском идентичности [Кон,1989; Erikson,1968]. Поэтому одежда, аватар, фотография, музыкальный стиль или любимый визуальный жанр становятся формами ответа на вопрос о собственной принадлежности.

Бурдьё показал, что вкус связан с культурным капиталом и социальным различием [Bourdieu,1984]. Для подростков это означает: даже свободное «мне нравится» несет следы семейного образования, школьной среды, доступа к музеям, языковой подготовки, круга общения и медиапотребления. Теория социальной идентичности объясняет, почему стиль одежды, цветовая палитра, музыкальные вкусы или платформа могут отделять «своих» от «чужих» [Tajfel,Turner,1986].

Исследования визуальной культуры расширяют предмет анализа. Мирзоефф, Кресс и ван Левен показывают, что изображение организует социальный смысл через цвет, композицию, взгляд, ракурс и расположение элементов [Kress, van Leeuwen,2006; Mirzoeff,1999]. В цифровой среде к этим параметрам добавляются алгоритм, метрики популярности, комментарии и видимость профиля. Работы d. boyd и S. Livingstone показывают, что подростковая онлайн-публичность требует постоянного управления аудиторией и рисками [boyd,2014; Livingstone, Helsper,2007].

Результаты и обсуждение

Подростковое эстетическое суждение эмоционально насыщено, потому что оценка внешности или стиля часто касается не объекта, а самого оценивающего: «подходит ли мне такой образ», «поймут ли меня», «не будет ли это выглядеть смешно». Сверстники выступают не только аудиторией, но и механизмом нормализации. Лайки, комментарии, шутки и молчание становятся сигналами того, какие формы красоты допустимы.

Особенно уязвима зона телесного образа. Социальные сети превращают лицо и тело в публичные, сравнимые и редактируемые объекты. Perloff связывает сетевые практики с сравнением внешности и самообъективацией [Perloff,2014, p. 365], Tiggemann и Slater - с тревогой по поводу образа тела у подростков [Jenkins,2006, p. 631]. Платформенный алгоритм закрепляет эффект повторяемой нормы: подросток видит похожие лица, позы, фильтры, стили одежды и постепенно воспринимает их как естественный стандарт привлекательности.

Китайских и российских подростков сближает цифровая форма повседневности. Они

пользуются разными платформами, но сталкиваются с похожими жанрами: короткое видео, музыкальный клип, игровой образ, фан-арт, косплей, обзоры одежды, мемы, фотографии блогеров, эстетизированные интерьеры. Визуальное впечатление должно возникать быстро, быть узнаваемым и легко передаваться дальше, что соответствует логике культуры конвергенции [Jenkins,2006].

Общей является и связь эстетической оценки с самопрезентацией. Подростки оценивают не только произведение искусства, но и собственную фотографируемость, вид профиля, одежду для школы или прогулки, оформление комнаты и аватар в игре. Вкус помогает быть видимым, но не чрезмерно уязвимым. Поэтому эстетическое суждение нельзя рассматривать как чисто индивидуальный вкус: оно возникает в поле группового признания, платформенных рейтингов и культурных кодов.

В китайском материале особенно заметна связь эстетики с уместностью, целостностью и социальной собранностью. Традиционная эстетическая мысль Ли Цзэхуо, Цзун Байхуа и Чжу Гуанцяня подчеркивает гармонию, внутреннюю форму и соотношение образа с жизненным чувством [Li Zehou,2009; Zong Baihua,1981; Zhu Guangqian,2012]. Подросток может не знать этих авторов, но в повседневных оценках «атмосферности», мягкости цвета, цельности кадра и согласованности деталей сохраняется близкая логика.

Семья и школа усиливают критерий внешней дисциплины. В китайской школьной среде внешний вид часто связывается с образом «хорошего ученика»: аккуратность, умеренность, чистота, отсутствие слишком резкого самовыражения. Это не уничтожает индивидуальность, а переносит ее в менее контролируемые зоны: цифровой профиль, фанатские сообщества, фото для Xiaohongshu, короткие видео Douyin, оформление аватара или личных вещей.

Платформы формируют конкретные словари оценки. На Xiaohongshu заметны режимы «чистого образа», ухоженности, свежести и «атмосферности»; Douyin усиливает жест, ракурс, музыку и монтаж; Bilibili поддерживает фанатские практики и молодежные сообщества. Исследования китайской цифровой женской визуальности Xiaohongshu/Red не следует напрямую переносить на всех подростков, но описанные в них коммерциализированные нормы красоты входят в визуальную среду, где подростки учатся оценивать лицо, тело и стиль [Gu,Xu,Zhou,2025; Liu,Li,2024].

Гочао и интерес к ханьфу показывают, что традиция становится ресурсом молодежной моды. Ханьфу предполагает не только одежду, но и сценарий съемки, позу, цветовую гамму, историческую или мифологическую отсылку. Исследования Hanfu-движения и ханьфу-идентичности показывают связь таких практик с культурной отличимостью и цифровой самопрезентацией [Law,Qin,2023; Jia,2023]. В то же время китайские подростки различаются по региону, типу школы, семейному капиталу и доступу к международному контенту; поэтому корректнее говорить о преобладающих акцентах, а не о едином «китайском вкусе».

Важно, что в китайской подростковой среде эстетическая новизна часто выражается не через полный отказ от нормы, а через ее аккуратное переоформление. Школьная дисциплина внешнего вида сохраняет значение, но подросток может переносить индивидуальность в детали: обработку фотографии, выбор фона, музыку к короткому видео, элемент традиционного орнамента, аксессуар, аватар или фанатский визуальный код. Поэтому китайская цифровая эстетика часто выглядит как работа с целой сценой, где лицо, одежда, место, цвет и подпись должны производить согласованное впечатление. Именно эта собранность объясняет, почему понятия «атмосферность» и «чистый образ» оказываются не только модными словами, но и практическими критериями оценки.

Российская подростковая эстетика формируется в среде, где сильны литература, реалистическая живопись, музыка, театр, архитектурная память Москвы и Санкт-Петербурга, советская визуальность и постсоветская городская повседневность. Школьная гуманитарная традиция поддерживает представление об искусстве как пространстве смысла и психологической глубины; государственные документы закрепляют значимость художественно-эстетического развития [Приказ Минпросвещения РФ №287, 2021; Распоряжение Правительства РФ №678, р, 2022].

В российском материале красота часто связывается с естественностью, характером и личной интонацией. Подростки могут активно использовать коды К-рор, аниме, спортивной моды, глянцевої фотографии, ретро и уличного стиля, но чрезмерная гладкость образа нередко воспринимается как искусственность. Визуальная фактура города - исторические фасады, метро, дворы, советские здания, реклама, креативные пространства - учит видеть выразительность не только в чистоте кадра, но и в контрасте, шероховатости, сезонном свете.

Цифровые платформы поддерживают разную эстетику: VK соединяет музыку, сообщества и школьно-дружеские связи; Telegram усиливает канальную культуру, мемы и визуальную иронию; YouTube остается источником длинных форматов и визуальных разборов. Российские исследования показывают, что социальные сети встроены в повседневную социализацию подростков, а выбор онлайн-образа связан с отношениями с родителями, потребностью в самопрезентации и саморефлексией [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Солодников, Зайцева, 2021; Щекотуров, 2017]. Отсюда важная особенность: глянец конкурирует с ценностью «непостановочности».

Для российского материала особенно значима городская неоднородность. Москва и Санкт-Петербург дают опыт исторических фасадов, метро, музеев, дворов, советской архитектуры, коммерческой рекламы и новых креативных пространств. Визуальная среда редко выглядит полностью «чистой»; чаще она построена на сочетании торжественного, бытового, старого и современного. Это влияет на подростковую оценку: темная палитра, зимний свет, грубая фактура стены или ретро-фильтр могут восприниматься не как недостаток, а как знак настроения и подлинности. Так возникает эстетика, где индивидуальный стиль поддерживается не только модой, но и привычкой видеть выразительность в контрасте.

Сравнение не сводится к оппозиции «Восток - Запад». Различия возникают из сочетания культурной памяти, школьно-семейных норм, платформенных форматов и городской визуальной среды. Для анализа важен не только выбор образа, но и объяснение выбора. Простое ранжирование картинок скрыло бы разницу между «нравится, потому что гармонично», «потому что похоже на меня» и «потому что выглядит настоящим».

В представлениях о красоте у китайских подростков сильнее выражена идея согласованного образа: гармония, аккуратность, «чистый образ» и целостная атмосфера фотографии становятся признаками социальной уместности. У российских подростков заметнее ценность естественности и характера: образ, слишком гладко воспроизводящий тренд, может казаться менее убедительным, чем образ с личной интонацией. Это не противопоставление порядка и свободы, а различие между собранностью и индивидуальной выразительностью как доминирующими акцентами.

Оценка внешности в обеих группах зависит от цифровой фотографируемости. В китайской среде заметнее ориентиры на ухоженность, свежесть, миловидность, юношеский и «чистый» образ; в российской параллельно существуют естественность, спортивность, яркая постановочность, неформальность и индивидуальный стиль. В обоих случаях визуальная

культура дает подростку инструменты самовыражения и одновременно может усиливать тревогу по поводу тела и лица [Perloff,2014; Tiggemann,Slater,2013; Wangetal,2019].

В художественном восприятии различие связано с вопросом, который подросток задает образу. В китайском материале чаще важны культурная отсылка, настроение, скрытый смысл и единство деталей; в российском - эмоциональная сила, историческая память и психологическая правда. При межкультурном обсуждении искусства эти позиции не исключают друг друга: цельность и символ, переживание и правдоподобие оказываются разными языками разговора о глубине произведения.

Традиция и современность в обеих странах не противопоставлены. В Китае ханьфу и гочао переводят традиционные знаки в язык молодежной моды и цифровой фотографии. В России советская визуальность, архитектура исторических центров и литературно-художественная память переосмысляются через ретро, локальную идентичность, городские проекты, музыку и дизайн. Глобальный тренд становится локальным только после перевода на язык конкретной платформы и культурной среды.

Наиболее существенное различие обнаруживается не в наборе любимых объектов, а в критериях доверия к образу. Китайскому подростку образ легче принять, если он выглядит целостным, аккуратным и социально уместным; российскому подростку нередко важнее ощущение характера, неполной постановочности и личной дистанции к тренду. Это различие нельзя считать жестким правилом, но оно помогает объяснить, почему одни и те же фильтры, позы или элементы одежды получают разные комментарии. В межкультурном диалоге именно комментарий часто оказывается информативнее самой картинки.

Таблица 1 - Сравнительные характеристики эстетических суждений китайских и российских подростков

Параметр сравнения	Китайские подростки	Российские подростки	Общие тенденции
Представления о красоте	Гармония, аккуратность, цельность, «чистый образ»	Естественность, характер, индивидуальная интонация	Красота связана с признанием
Отношение к внешности	Ухоженность, свежесть, фотогеничность	Естественность, личный стиль, неформальность	Внешность становится самопрезентацией
Цвет и визуальность	Светлые, мягкие, «атмосферные» палитры	Холодные, темные, ретро- и контрастные решения	Цветовые коды задаются платформами
Восприятие искусства	Символичность, культурный подтекст, настроение	Эмоциональная сила, достоверность, историчность	Подростки ищут эффект и смысл
Традиционная культура	Ханьфу, гочао, каллиграфия, праздники	Реализм, литература, архитектура, советский визуальный слой	Традиция переходит в гибридные формы
Социальные сети	Douyin, Xiaohongshu, Bilibili	VK, Telegram, YouTube, TikTok	Алгоритмы закрепляют стандарты привлекательности
Семья и школа	Дисциплина внешнего вида, положительный образ ученика	Нормы внешнего вида и дискуссия о самовыражении	Институты задают язык оценки

Таблица фиксирует основные линии сравнения, но не заменяет анализа. Будущее эмпирическое исследование должно сравнивать не только выбор изображений, но и комментарии подростков к ним: называют ли они гармонию, настроение, реальность, чистоту, индивидуальность, странность или похожесть на тренд.

Семья первой задает язык эстетической оценки: «аккуратно», «вызывающе», «естественно», «безвкусно», «слишком ярко». В Китае эти оценки чаще связаны с дисциплиной, учебной успешностью и образом положительного ученика; в России семейные нормы могут колебаться от строгого контроля до более раннего признания самостоятельности. В обоих случаях семейный вкус связан с культурным капиталом [Bourdieu, 1984].

Школа закрепляет официальный культурный горизонт. Китайская образовательная политика усиливает роль художественного образования [Министерство образования КНР, 2022], российские документы также включают художественно-эстетическое развитие в систему общего и дополнительного образования [Приказ Минпросвещения РФ №287, 2021; Распоряжение Правительства РФ №678, р. 2022]. Однако школьный канон сталкивается с цифровым опытом подростка. Если урок искусства не обсуждает фотографию, клип, интерфейс, мем и короткое видео, он рискует остаться формальным.

Сверстники выступают группой признания, а городская среда дает визуальный фон. Китайские мегаполисы предлагают опыт экранов, торговых центров, новых районов и праздничных инсталляций; российские города - исторические слои, советскую материальность, климатический свет, дворовую фактуру и современную рекламу. Эти различия не диктуют вкус, но дают подростку слова для оценки «чистого», «настоящего», «мрачного», «атмосферного» или «сильного».

Глобальные медиа сближают подростков прежде всего на уровне формата. Короткое видео требует быстрого визуального эффекта; игра предлагает готовые модели тела, костюма и пространства; социальная сеть превращает фотографию в объект публичной оценки. Отсюда сходство интересов к позированию, монтажу, аватарам, фильтрам, моде и дизайну профиля.

Но сближение не означает исчезновения различий. «Естественный» образ может означать отсутствие заметной обработки или тщательно созданный эффект натуральности; «атмосферный» кадр в китайской среде чаще описывает согласованное настроение, а в российской может включать холод, пустоту, ретро или городскую шероховатость. Более точным становится понятие гибридной эстетики: подросток берет форму из глобального оборота, но объясняет ее через локальные значения.

Для эстетического воспитания главный вывод состоит в отказе от модели готового правильного вкуса. Подростку важно не только знать канон, но и уметь объяснять, почему один образ кажется выразительным, другой - искусственным, третий - культурно значимым, четвертый - травмирующим. Такой подход ближе к развитию эстетической рефлексии, чем к усвоению списка великих произведений.

Практически это означает изменение учебных заданий. Вместо вопроса «какое произведение является прекрасным?» педагог может предложить сравнить музейную картину, постер фильма, кадр короткого видео, страницу Xiaohongshu или VK-сообщества и фотографию городского пространства. Задача состоит в том, чтобы увидеть, как работают композиция, цвет, символ, тело, подпись, аудитория и платформа. Медиаграмотность здесь необходима: подросткам нужно разбирать свет, ракурс, фильтр, ретушь, коммерческий стандарт и алгоритмическую рекомендацию [Федоров, 2007].

Для китайско-российских образовательных проектов продуктивным может быть формат визуального дневника. Подростки из двух стран фиксируют изображения, которые кажутся им красивыми, спорными или странными, а затем объясняют выбор на родном или изучаемом языке. Такой материал показывает не только различия во вкусах, но и различия в словаре оценки. Один участник говорит о гармонии и атмосфере, другой - о правде, настроении и

личном стиле; при внимательном обсуждении эти позиции не конкурируют, а расширяют представление о возможных критериях красоты.

Заключение

Общий механизм формирования эстетических суждений китайских и российских подростков связан с пересечением возрастной потребности в признании, школьно-семейной социализации и платформенной визуальной среды. Подросток оценивает красоту как личное переживание, но язык этой оценки задается культурой, группой сверстников, городом и алгоритмами.

Главное различие состоит в расстановке акцентов. Для китайского материала важнее оказываются гармония, аккуратность, атмосферность, «чистый образ», символическая насыщенность и культурная цельность. В российском материале сильнее звучат естественность, индивидуальный стиль, эмоциональная достоверность и историко-городская фактура. Для эстетического воспитания это означает, что подростковый вкус нельзя сводить ни к национальному канону, ни к платформенному тренду; его продуктивнее обсуждать как формирующуюся способность различать визуальные нормы, понимать культурные коды и сохранять личную позицию в среде цифрового сравнения.

Статья имеет теоретико-аналитический характер. В ней не представлены результаты массового опроса, интервью, фокус-групп или экспериментов с визуальными материалами. Поэтому выводы рассматриваются как концептуальная модель и набор исследовательских гипотез.

Дальнейшие исследования могут включать сравнительные анкеты среди подростков разных регионов Китая и России, глубинные интервью, анализ визуальных дневников и эксперименты с выбором изображений. Особенно важно учитывать регион, пол, возраст, тип школы, семейный культурный капитал, интенсивность использования платформ и опыт межкультурного общения.

Отдельной задачей будущих работ является различение платформенного эффекта и собственно культурного фактора. Столичные школьники, учащиеся художественных классов, подростки из малых городов и пользователи разных цифровых платформ могут демонстрировать не совпадающие модели оценки. Без учета этих переменных легко принять различия городской среды, семейного капитала или доступа к визуальным ресурсам за национальные различия.

Библиография

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
3. Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
4. Лихачев Б. Т. Теория эстетического воспитания школьников: учебное пособие. М.: Просвещение, 1985. 176 с.
5. Мудрик А. В. Социализация человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2011. 304 с.
6. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 678-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации.
8. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

9. Солодников В. В., Зайцева А. С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 23-42. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7870.
10. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.
11. Щекотуров А. В. От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 327-343. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.17.
12. Министерство образования Китайской Народной Республики. Стандарты учебной программы по искусству для обязательного образования (издание 2022 года). Издательство Пекинского педагогического университета.
13. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
14. boyd d. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. New Haven; London: Yale University Press, 2014. 281 p.
15. Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton, 1968. 336 p.
16. Gu Y., Xu Y., Zhou M. Escaping the spectacle? Young women's ambivalence to gender aesthetics on Xiaohongshu // *Feminist Review*. 2025. Vol. 141, no. 1. P. 15-33. DOI: 10.1177/01417789251371530.
17. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
18. Jia Y. Modern Ancient Chinese: A Discursive Construction of Hanfu Identity Across Spatiotemporal Scales // *Language, Culture and Society*. 2023. Vol. 5, no. 2. P. 246-268. DOI: 10.1075/lcs.22025.jia.
19. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2006. 291 p.
20. Law A. M., Qin Q. Reflexive Han-Ness, Narratives of Moral Decline, Manchurian Subjects and "Mass" Societal Others: A Study of the Hanfu Movement in the Cities of Beijing, Chengdu, Shanghai, Wuhan, and Xi'an // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2023. Vol. 52, no. 2. P. 230-255. DOI: 10.1177/18681026221135082.
21. Li Zehou 李泽厚. *美的历程 [Mei de licheng; Путь красоты]*.北京: 生活·读书·新知三联书店, 2009.
22. Liu Y., Li X. "Pale, Young, and Slim" Girls on Red: A Study of Young Femininities on Social Media in Post-Socialist China // *Feminist Media Studies*. 2024. Vol. 24, no. 4. P. 744-759. DOI: 10.1080/14680777.2023.2226830.
23. Livingstone S., Helsper E. J. Taking risks when communicating on the Internet: the role of offline social-psychological factors in young people's vulnerability to online risks // *Information, Communication & Society*. 2007. Vol. 10, no. 5. P. 619-644. DOI: 10.1080/13691180701657998.
24. Mirzoeff N. *An Introduction to Visual Culture*. London; New York: Routledge, 1999. 274 p.
25. Perloff R. M. Social media effects on young women's body image concerns: theoretical perspectives and an agenda for research // *Sex Roles*. 2014. Vol. 71. P. 363-377. DOI: 10.1007/s11199-014-0384-6.
26. Tajfel H., Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of Intergroup Relations* / ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
27. Tiggemann M., Slater A. NetGirls: the Internet, Facebook, and body image concern in adolescent girls // *International Journal of Eating Disorders*. 2013. Vol. 46, no. 6. P. 630-633. DOI: 10.1002/eat.22141.
28. Wang Y., Fardouly J., Vartanian L. R., Lei L. Selfie-viewing and facial dissatisfaction among Chinese adolescents: A moderated mediation model of general attractiveness internalization and body appreciation // *Body Image*. 2019. Vol. 30. P. 35-43. DOI: 10.1016/j.bodyim.2019.05.001.
29. Zhu Guangqian 朱光潜. *谈美 [Tan mei; О красоте]*.北京: 中华书局, 2012.
30. Zong Baihua 宗白华. *美学散步 [Meixue sanbu; Прогулки по эстетике]*.上海: 上海人民出版社, 1981.

Aesthetic Judgments of Chinese and Russian Adolescents: A Cross-Cultural Analysis

Zhao Wanchen

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7–9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st072597@student.spbu.ru

Abstract

The article examines the aesthetic judgments of Chinese and Russian adolescents as a result of the intersection of cultural tradition, school-family socialization, and platform visual culture. The work does not include its own empirical research and is aimed at the theoretical generalization of existing scientific approaches and visual-cultural practices. The aim of the article is to identify common mechanisms and differing emphases influencing adolescents' perceptions of beauty, appearance, art, color, fashion, media content, and cultural symbols. The methodological basis consists of the cultural-historical approach, the theory of aesthetic education, studies of adolescent identity, visual culture, and media influence. It is shown that similarities are associated with the age-related need for recognition, digital self-presentation, algorithmic content selection, and the global circulation of youth styles. Differences manifest themselves not as an opposition of "national tastes," but as different languages of aesthetic explanation: in the Chinese material, harmony, neatness, atmosphere, and cultural integrity are more noticeable; in the Russian material — naturalness, individual style, emotional authenticity, and historical-urban texture. The comparison covers perceptions of beauty, attitudes towards appearance, perception of art, color and visuality, traditional culture, the role of social networks, family, and school. Particular attention is paid to the fact that adolescent aesthetic judgment is formed in the field of group recognition, platform ratings, and cultural codes, and is not reducible to individual taste. For aesthetic education, the rejection of the model of ready-made correct taste is substantiated in favor of developing aesthetic reflection and media literacy, allowing the adolescent to explain why one image seems expressive, another — artificial, and a third — culturally significant.

For citation

Zhao Wanchen (2026) *Esteticheskie suzhdeniya kitayskikh i rossiyskikh podrostkov: mezhkul'turnyy analiz* [Aesthetic Judgments of Chinese and Russian Adolescents: A Cross-Cultural Analysis]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (4A), pp. 219-229. DOI: 10.34670/AR.2026.19.51.024

Keywords

Aesthetic judgment, adolescents, China, Russia, cross-cultural analysis, visual culture, aesthetic education, cultural identity, digital socialization.

References

1. Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Iskusstvo.
2. Bourdieu, P. (1984). *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Harvard University Press.
3. boyd, d. (2014). *It's complicated: The social lives of networked teens*. Yale University Press.
4. Erikson, E. H. (1968). *Identity: Youth and crisis*. W. W. Norton.
5. Fedorov, A. V. (2007). *Razvitiye mediakompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuza* [The development of media competence and critical thinking of pedagogical university students]. ICOS UNESCO "Information for All".
6. Gu, Y., Xu, Y., & Zhou, M. (2025). Escaping the spectacle? Young women's ambivalence to gender aesthetics on Xiaohongshu. *Feminist Review*, 141(1), 15-33. <https://doi.org/10.1177/01417789251371530>
7. Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York University Press.
8. Jia, Y. (2023). Modern ancient Chinese: A discursive construction of Hanfu identity across spatiotemporal scales. *Language, Culture and Society*, 5(2), 246-268. <https://doi.org/10.1075/lcs.22025.jia>
9. Kon, I. S. (1989). *Psikhologiya ranney yunosti: kniga dlya uchitelya* [Psychology of early youth: A book for teachers]. Prosveshchenie.

10. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2006). *Reading images: The grammar of visual design* (2nd ed.). Routledge.
11. Law, A. M., & Qin, Q. (2023). Reflexive Han-ness, narratives of moral decline, Manchurian subjects and "mass" societal others: A study of the Hanfu movement in the cities of Beijing, Chengdu, Shanghai, Wuhan, and Xi'an. *Journal of Current Chinese Affairs*, 52(2), 230-255. <https://doi.org/10.1177/18681026221135082>
12. Li, Z. (2009). *Mei de licheng* [The path of beauty]. SDX Joint Publishing Company.
13. Likhachev, B. T. (1985). *Teoriya esteticheskogo vospitaniya shkolnikov: uchebnoye posobiye* [The theory of aesthetic education of schoolchildren: A study guide]. Prosveshchenie.
14. Liu, Y., & Li, X. (2024). "Pale, young, and slim" girls on Red: A study of young femininities on social media in post-socialist China. *Feminist Media Studies*, 24(4), 744-759. <https://doi.org/10.1080/14680777.2023.2226830>
15. Livingstone, S., & Helsper, E. J. (2007). Taking risks when communicating on the Internet: The role of offline social-psychological factors in young people's vulnerability to online risks. *Information, Communication & Society*, 10(5), 619-644. <https://doi.org/10.1080/13691180701657998>
16. Ministry of Education of the People's Republic of China. (2022). *Yiwu jiaoyu yishu kecheng biao zhun* (2022 nian ban) [Art curriculum standards for compulsory education (2022 edition)]. Beijing Normal University Press.
17. Mirzoeff, N. (1999). *An introduction to visual culture*. Routledge.
18. Mudrik, A. V. (2011). *Sotsializatsiya cheloveka: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Socialization of the human being: A study guide for university students]. Akademiya.
19. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 287 of May 31, 2021, on the approval of the Federal State Educational Standard of Basic General Education. Official Internet Portal of Legal Information.
20. Perloff, R. M. (2014). Social media effects on young women's body image concerns: Theoretical perspectives and an agenda for research. *Sex Roles*, 71, 363-377. <https://doi.org/10.1007/s11199-014-0384-6>
21. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 678-r of March 31, 2022, on the approval of the Concept for the Development of Supplementary Education for Children until 2030. Official Internet Portal of Legal Information.
22. Shchekoturov, A. V. (2017). Ot flirta do smeny pola onlayn: podrostkovyye praktiki alternativnykh samoprezentatsiy v sotsialnoy seti "VKontakte" [From flirting to gender change online: Adolescent practices of alternative self-presentations in the VKontakte social network]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 327-343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.17>
23. Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Nestik, T. A. (2017). *Tsifrovoye pokoleniye Rossii: kompetentnost i bezopasnost* [The digital generation of Russia: Competence and safety]. Smysl.
24. Solodnikov, V. V., & Zaytseva, A. S. (2021). Ispolzovaniye sotsialnykh setey i sotsializatsiya rossiyskikh podrostkov [The use of social networks and the socialization of Russian adolescents]. *Sociological Science and Social Practice*, 9(1), 23-42. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>
25. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 7-24). Nelson-Hall.
26. Tiggemann, M., & Slater, A. (2013). NetGirls: The Internet, Facebook, and body image concern in adolescent girls. *International Journal of Eating Disorders*, 46(6), 630-633. <https://doi.org/10.1002/eat.22141>
27. Vygotsky, L. S. (1991). *Voobrazheniye i tvorchestvo v detskom vozraste: psikhologicheskiy ocherk* [Imagination and creativity in childhood: A psychological essay] (3rd ed.). Prosveshchenie.
28. Wang, Y., Fardouly, J., Vartanian, L. R., & Lei, L. (2019). Selfie-viewing and facial dissatisfaction among Chinese adolescents: A moderated mediation model of general attractiveness internalization and body appreciation. *Body Image*, 30, 35-43. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2019.05.001>
29. Zhu, G. (2012). *Tan mei* [On beauty]. Zhonghua Book Company.
30. Zong, B. (1981). *Meixue sanbu* [Strolls in aesthetics]. Shanghai People's Publishing House.